

**«ТРУДНО БЫТЬ ИМПЕРАТОРОМ»: ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.**

В статье анализируется образ императора Павла I, сложившийся в исторической науке и художественной культуре России на рубеже XIX–XX вв.; делается вывод, что эволюция этого образа отразила противоречия в сознании российского образованного общества, в его отношении к самодержавной власти.

Ключевые слова: историческая память, образы прошлого, историография, император Павел I.

В современных исследованиях по проблемам исторической памяти изучение «образов прошлого» сформировалось как самостоятельный жанр. Предметом исследования здесь становится не историческое событие или явление как таковое, а воспоминания о нем, которые живут в сознании общества. Исследователь обращает внимание не только на свершения какого-либо исторического деятеля, но и на то, какой след он оставил в памяти общества, в какие моменты его образ становился актуальным, выходил на первый план общественного сознания. Проследив, какие изменения происходили в научной и художественной трактовке каждого такого образа и как эволюционировала его семантическая нагрузка, можно понять логику перемен коллективной идентичности общества [1–3]. Если же в исторической памяти уживаются взаимоисключающие образы одних и тех же событий и персонажей – это верный знак, что общество проходит через период социокультурных трансформаций, ломки стереотипов мышления и ценностных систем.

Вторая половина XIX – начало XX в. в российской общественной мысли были отмечены повышенной рефлексией над пройденным историческим путем; это должно было помочь преодолеть кризис идентичности, определить перспективы дальнейшего развития общества. Вокруг реальных событий прошлого в пореформенной культуре стремительно возникали «исторические мифы» – представления о прошлом, которые носили сюжетно-образный характер и служили утверждению тех или иных социально значимых ценностей [4]. В первую очередь такие мифы формировались вокруг ключевых сюжетов идентичности образованного российского общества: взаимоотношений народа и интеллигенции, власти и общества.

Одним из притягательных сюжетов исторической памяти рубежа XIX–XX вв. была история короткого правления и трагической гибели императора Павла I. Историографическая традиция вокруг этой темы формировалась медленно в силу цензурных запретов. Так, в 1870 г. с издателя журнала «Русская старина» М.И. Семевского была взята подписка, что его издание «не будет печатать ничего, что касается некоторых фактов из русской истории конца прошлого и начала текущего столетия», в том числе убийства императора Павла I [5, с. 119]. Тем не менее

---

* © Леонтьева О.Б., 2012

Леонтьева Ольга Борисовна (oleontieva@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

мифологизированная история жизни и смерти Павла I сохранялась в устной памяти; амбивалентный образ императора — деспота и жертвы — в исторических анекдотах и преданиях предвосхитил накал ученых споров вокруг его правления.

Кульминация дискуссий о характере павловского правления и о личности императора пришлась на начало XX века: после первой русской революции, когда цензурные преграды были сломлены, снятие запретов повлекло за собой всплеск исследований и публикаций. «Павловский текст» формировался не только в исторической науке: в стремлении разгадать тайну личности императора соперничали друг с другом авторы научных исследований, психологических реконструкций, художественных произведений.

В отношении личности и правления Павла I сложились противоположные оценки. Основные постулаты «антипавловского мифа» были сформулированы еще мемуаристами александровской эпохи и усвоены либеральной историографией: Павел — деспот с несомненными психическими отклонениями; его государственная деятельность носила бурный, но бессистемный характер и была продиктована прежде всего враждебностью к екатерининскому правлению; цареубийство стало актом самозащиты со стороны общества и навело наиболее дальновидных политиков на мысль о необходимости конституционного ограничения самодержавия. Впервые эта концепция в развернутом виде была изложена в работе А.Г. Брикнера, изданной на немецком языке в 1897 г.; на страницах этой работы Брикнер, цитируя письмо С.Р. Воронцова Н.П. Новосильцеву, сравнивал Павла I с «помешанным капитаном», у которого необходимо было отобрать штурвал ради спасения экипажа и корабля [6, с. 73–75].

Эту концепцию разделяли также А.Н. Пыпин, В.И. Семевский, А.А. Кизеветтер и А.А. Корнилов, характеризовавшие павловское правление как эпоху «необузданных крайностей», когда в политике господствовало полное «отсутствие принципа и последовательности»: то и другое заменял личный произвол императора [7, с. 50–57; 8; 9, с. 331; 10, с. 40–47]. Именно поэтому они отказывали павловскому правлению в долговременном и серьезном историческом значении: как констатировал А.А. Корнилов, «в том историческом процессе развития русского народа, который нас интересует, оно [царствование Павла] является каким-то внезапным вторжением, каким-то неожиданным шквалом, который налетел извне, все спутал, все перевернул временно вверх дном, но не мог надолго прервать или глубоко изменить естественный ход совершающегося процесса» [10, с. 40].

Однако приверженцы «антипавловского мифа» все же не были единодушны в своей оценке личности императора. Так, А.Г. Брикнер и В.И. Семевский считали его душевнобольным; В.И. Семевский полагал, что психическое заболевание Павла является своего рода «смягчающим обстоятельством» для поступков императора-деспота («только несомненное существование такой болезни позволяет снисходительнее относиться к Павлу и не ставить его на одну доску с такими злодеями, какими были, например, Аракчеев... Клейнмихель и некоторые другие») [8, с. 206–207]. Это мнение было подкреплено авторитетным суждением ученого-психиатра П.Н. Ковалевского, объяснявшего психическую болезнь Павла («бред преследования») его дурной наследственностью и дегенеративными чертами [11, с. 160–172]. Напротив, психиатр В.Ф. Чиж полагал, что несомненные отклонения в поведении Павла I были вызваны не столько реальным психическим заболеванием, сколько атмосферой вседозволенности — неизбежной спутницей неограниченной власти русских самодержцев [12].

Но, как бы ни трактовали эти исследователи глубинные причины поведения Павла I, все они сходились в одном: его правление рассматривалось как важный исторический урок, наглядно доказавший необходимость ограничения само-

державной власти. Проецируя проблемы прошлого на современные ему реалии, В.И. Семевский риторически восклицал: «Осуждая то, что творилось при Павле, можем ли мы теперь сказать, что Россия избавилась как от ужасного насилия над человеческой личностью, так и от крайне вредных мероприятий в области социального законодательства? Не творятся ли истязания в настоящее время?..» [8, с. 254]. «Антипавловский миф» перерастал в манифест, отстаивающий ключевые либеральные ценности — неприкосновенность личности и правовые гарантии от всякого произвола.

Ключевые тезисы противоположного, «павловского мифа» были сформулированы М.И. Семевским в 1860-е гг., а затем развиты в ходе дискуссий начала XX в. В работах приверженцев этой трактовки император представал воплощением патерналистских или даже эгалитаристских ценностей; его фигура приобретала привлекательные черты «рыцаря на престоле»; отмечалось, что у него была продуманная программа правления, выношенная еще в бытность цесаревичем; что его преобразования были направлены на благо непривилегированных сословий и ограничение дворянского произвола; что его политика вызвала недовольство лишь у своеобразной элиты, которая и устранила императора [13–15].

Среднюю позицию между «павловским» и «антипавловским» мифами занимали В.О. Ключевский и Н.К. Шильдер. Так, Ключевский в своем «Курсе русской истории» высказывал мнение, что Павел I ставил вполне здравые и прогрессивные для своего времени задачи — борьбу с сословными привилегиями и упорядочение управления на бюрократических началах, но из-за «полного притупления политического сознания и гражданского чувства» он не справился ни с тем, ни с другим, превратив борьбу с порядками в борьбу с отдельными лицами. История правления Павла I под пером Ключевского представляла «как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников», а по большому счету как драма несоответствия здравых целей и анекдотических средств [16, с. 363–367]. В свою очередь, Н.К. Шильдер не одобрял деспотизма, но тем не менее предпринял попытку вызвать у читающей публики сочувствие к трагической судьбе «русского Гамлета» [17].

Порой «павловский» и «антипавловский» мифы сталкивались буквально на страницах одного и того же издания. Так, в юбилейном издании «Три века», опубликованном к 300-летию дома Романовых, правлению Павла I были посвящены три статьи. В одной из них — работе К.В. Сивкова — Павел Петрович предстает как вспыльчивый и неуравновешенный человек с явными признаками душевной болезни; в другой — статье М.К. Любавского — заговор 1801 г. трактуется как акт общественной самообороны от душевнобольного тирана; и тут же — в работе Д.И. Успенского — доказывается, что правление Павла представляло угрозу только для сословных привилегий дворянства и что описываемые в историографии «безумства» Павла I в реальности были следствием умелой провокационной деятельности со стороны администрации и лично графа П.А. Палена [18, с. 90–135].

Таким образом, противостояние «павловского» и «антипавловского» нарративов оставалось непримиримым: историографические мифы отторгали друг друга, а научная дискуссия упиралась в вопрос доверия мемуаристам (поскольку сторонники «павловского» нарратива отмечали сообщения о сумасбродных выходках императора как заведомо предвзятые). Тем самым ставилась проблема роли ближайшего окружения Павла I в формировании его прижизненной и посмертной репутации и — шире — проблема ответственности общества за эксцессы деспотизма.

Убедительные решения данной проблемы на том этапе были предложены в литературных произведениях о павловской эпохе: образы Павла I, созданные в трудах историков, шагнули в пространство художественной культуры России. Так, в драме Д.С. Мережковского «Павел I» (открывающей собой трилогию «Царство

Зверя») в самой первой картине Павел предстает в привычном для российского читателя облике деспота, подозрительного и вспыльчивого, порой вроде бы выказывающего явные признаки сумасшествия. Однако ближе к неминуемой развязке всевластный тиран на поверку оказывается объектом политических и психологических манипуляций, заложником и жертвой собственного окружения; его убийство прочитывается как грозный пролог грядущих событий – в сцене совещания заговорщиков угадываются политические прожекты начала XX в. [19]

Блистательная и едкая повесть Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Киж» (1927), построенная на сюжетной основе известного исторического анекдота времен Павла I, также вскрывает двойственную природу взаимоотношений самодержца и его окружения. Подпоручик Киж, «персона, фигуры не имеющая», – фантом, рожденный всеобщим страхом перед императором; окружение императора-безумца, страшась его непредсказуемой реакции, совершает все более иррациональные действия, пока всех действующих лиц повести – по существу, всю страну – не оплетает круговая порука безумия [20].

Безусловно, события революции 1917 г., участь Николая II и его семьи бросили новый свет на историю правления Павла I, заставили пересмотреть ее в ином ключе. Эпоха сместила акценты: так, Марка Алданова, автора исторической повести «Заговор», интересовала уже не столько личная драма Павла I – по его версии, одаренного и благородного человека, ставшего жертвой стремительно развивавшейся психической болезни [21], – сколько перерождение благих намерений заговорщиков в кровавый и пьяный кошмар ночи с 11 на 12 марта 1801 г.

«Трудно быть императором! Страшно быть самодержцем!» – эти слова стали ключевыми в историко-психологическом очерке о Павле I, принадлежащем перу Г.И. Чулкова. Биография императора представлена в этом очерке как глубоко трагичная история человека, который большую часть своей жизни «жил в опале, окруженный врагами, опасаясь всех и больше всего своей матери», а, придя к власти, превратил свое правление в попытку реванша за все психологические травмы и унижения; однако, продолжает Чулков, «тысячи незримых сил влияли на Павла, и он тщетно пытался уверить себя, что он управляет народом самодержавно. От его прихотей зависели иногда те или другие лица, но общий поток жизни он не в силах был остановить или произвольно направить по другому руслу» [22, с. 61, 64, 69]. Бессилие власти, ее мнимое величие и иллюзорная сила становятся лейтмотивом литературных произведений о Павле I и павловской эпохе, написанных в 1920-е годы.

Таким образом, павловский текст русской культуры, сформировавшийся к концу первой четверти XX в., отразил мировоззренческие сдвиги в сознании российской образованной элиты. Столкновение «павловского» и «антипавловского» мифов привело не к победе какого-либо одного из них, но скорее к разрушению и переосмыслению обоих. Единоличная власть больше не воспринималась как могущественная сила, которой подвластны судьбы народов; из размышлений над трагическими страницами истории рождалось осознание, что даже неограниченные правители в действительности являются заложниками реальной политической ситуации и своекорыстных интересов социальных элит.

Библиографический список

1. Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // Цепь времен: проблемы исторического сознания. М., 2005.
2. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой. М., 2007.

3. Мутья Н.Н. Иван Грозный: Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010.
4. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011.
5. Тимошук В.В. Михаил Иванович Семевский. Основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. 1837–1892. Биографический очерк, составленный Верой Васильевной Тимошук с предисловием и под редакцией Н.К. Шильдера. СПб., 1895.
6. Брикнер А.Г. История Павла I [1897]. М., 2004.
7. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Исторические очерки. СПб., 1885.
8. Семевский В.И. Послесловие к первому изданию // Брикнер А.Г. История Павла I. М., 2004. С. 201–256;
9. Кизеветтер А.А. Исторические очерки [1912]. М., 2006.
10. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века [1918]. М., 1993.
11. Ковалевский П.Н. Император Петр III. Император Павел I. Психиатрический эскиз по истории. Т. I. СПб., 1909.
12. Чиж В.Ф. Император Павел I // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 88–90.
13. Семевский М.И. Материалы к русской истории XVIII века (1788 г.) // Вестник Европы. 1867. № 1.
14. Шумигорский Е.С. Павел I // Русский биографический словарь. Т. 13. СПб., 1902.
15. Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
16. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. Кн. 3. М., 1993.
17. Шильдер Н.К. Павел I. Его жизнь и царствование [1901]. М., 2010.
18. Три века. Россия от Смуты до нашего времени: в 6 т. Т.5: XIX век. Первая половина. М., 2005.
19. Мережковский Д.С. Павел I [1908] // Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1990.
20. Тынянов Ю.Н. Подпоручик Кижэ [1927] // Тынянов Ю.Н. Соч.: в 3 т. М., 1994.
21. Алданов М. Заговор [1927] // Алданов М.А. Заговор; Святая Елена, маленький остров: романы. М., 1989.
22. Чулков Г.И. Императоры: психологические портреты [1927]. М., 1995.

O.B. Leontieva*

**«IT IS HARD TO BE AN EMPEROR»: THE IMAGE
OF PAUL I IN THE HISTORICAL MEMORY AT THE END OF THE XIX –
THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The article is devoted to the image of Emperor Paul I in the Russian historical science and arts at the turn of the XIX–XX centuries; it is argued that the evolution of this image mirrored the internal contradictions in the minds of Russian intellectuals and in their attitudes to the autocratic power.

Key words: historical memory, images of the past, historiography, Emperor Paul I.

---

* *Leontieva Olga Borisovna* (oleontieva@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

ЭСЕР-ТЕРРОРИСТ С.В. БАЛМАШЕВ НА СЛЕДСТВИИ И СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируется поведение эсера-террориста после покушения, во время следствия, судебного процесса. Автор приходит к выводу, что террорист легко поддавался внушению, был склонен к экзатичности и суицидальности.

Ключевые слова: террор, покушение, Боевая организация, судебный процесс, героизация, суицидальность.

Рассказы отечественных историков о покушениях террористов более всего похожи на жития и святцы, а процессы уподобляются противостоянию рыцарей без страха и упрека и ничтожных слуг царизма [1; 2; 3; 4].

В час дня пять минут 2 апреля 1902 г. 20-летний студент С.Н. Балмашев, одетый в форму поручика-адъютанта, в холле здания комитета министров в Мариинском дворце двумя выстрелами в упор смертельно ранил министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Швейцар, отставной унтер-офицер Г.М. Лукьянов, схватил террориста за правую руку. Раздалось еще два выстрела, одним из которых был ранен сопровождавший министра офицер Бобров [5, л.15, 96, 101; 6, т. 1, л. 46, 65–66; 7, с. 32–33]. Инициатор покушения, Г.А. Гершуни, убедившись, что задуманное свершилось, покинул наблюдательный пост на площади у здания комитета министров. Так было положено начало эсеровского террора.

С.В. Балмашев был отрешен, просил Г.М. Лукьянова не держать его, говоря, что уже не уйдет: «Я сделал все, что мне было нужно». Навязчивая идея не давала ему покоя: сказал ли он после выстрелов: «Так поступают с врагами народа», или: «С такими людьми так и нужно поступать». Лукьянов отвечал, что он «в то время был так взволнован, что этого не помнит», а сторож канцелярии комитета министров Федоров сказал, что Балмашев произнес: «С такими людьми так и поступают» [5, л. 13, 97; 6, т. 1, л. 82; 7, с. 46]. На революционеров, по словам видного эсера В.М. Зензинова, «произвело глубочайшее впечатление» то, что террорист не попытался спастись, «принес в жертву и самого себя», «умер героем», «показал на деле, на что способен революционер-идеалист, отдающий свою жизнь во имя общего блага». За это они «чтили Балмашева» [8, с. 62].

На первом допросе, который состоялся 2 апреля 1902 г., С.В. Балмашев заявил, что министра внутренних дел Д.С. Сипягина он убил преднамеренно, а «его лакея», Боброва, случайно, «оттого, что швейцар дернул меня за руку», и отказался давать показания и подписывать протокол. На следующий же день объявил, что «желает дать некоторые объяснения». «Вся моя предыдущая деятельность, — сказал он, — привела меня к убеждению, что при тех репрессиях, которыми пользуется русское правительство в борьбе с революционерами, мирная социалистическая работа невозможна, вследствие чего я вынужден был вступить на путь политичес-

---

* © Леонов М.И., 2012

Леонов Михаил Иванович (mleonov40@gmail.com), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.